КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 37.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1913.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

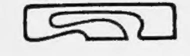
С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 37.

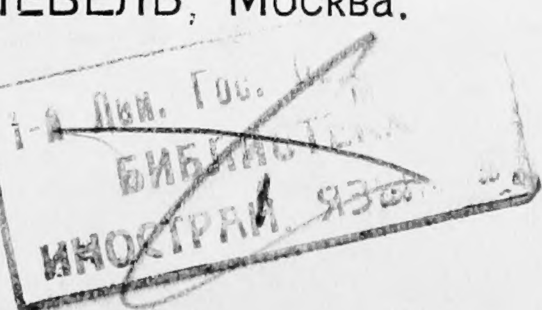

Е. Е. Лансере. Цесаревна Елизавета въ Преображенскихъ казармахъ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1913.

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913.

Воцареніе императрицы Елизаветы Петровны.

(Къ картинѣ Е. Е. Лансере. «Цесаревна Елизавета въ Преображенскихъ казармахъ въ ночь на 25 ноября 1741 г.)».

На картинѣ изображенъ одинъ изъ эпизодовъ событія, случившагося въ С.-Петербургѣ въ ночь на 25 ноября 1741 года, когда дочь Петра Великаго цесаревна Елизавета Петровна «изволила воспріять прародительскій престолъ и наслѣдіе отца своего». Это была одна изъ тѣхъ шумныхъ и немирныхъ смѣнъ на всероссійскомъ престолѣ, которыя такъ характерны для исторіи Россіи XVIII вѣка. Почти всѣ царствованія тогда смѣняли одно другое не по установившемуся порядку наслѣдованія, а въ обстановкѣ нарушенія всякаго порядка, при чемъ дѣйствующей силой, возводившей на престолъ однихъ лицъ императорской фамиліи вмѣсто другихъ, являлась гвардія — учрежденное Петромъ Великимъ отборное войско, въ которомъ большинство рядовыхъ солдатъ было изъ дворянъ.

Причиной того обстоятельства, что императорскій престолъ Россіи XVIII вѣка оказался «игралищемъ судьбы» было, во-первыхъ, то состояніе, въ которомъ осталась послѣ смерти Петра Великаго императорская фамилія, а, во-вторыхъ, законъ Петра Великаго, изданный имъ 5 февраля 1722 года, по которому на волю правительствующаго государя полагалось «кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ»... Этотъ законъ Петръ Великій издалъ въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ своей жизни, когда было покончено съ дѣломъ царевича Алексѣя, который былъ противъ построекъ намѣреній своего отца и за это поплатился жизнью. Опасаясь, какъ бы такой наслѣдникъ, какъ царевичъ Алексѣй, не повернулъ всѣ преобразованія на ненавистный ему московскій старинный манеръ, царь Петръ еще въ 1715 году грозилъ сыну, указывая ему, какъ онъ самъ, отецъ его, «за отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь

чужой добрый, нежели свой непотребный.» Царевичъ не внялъ увѣщаніямъ отца, и отецъ, спасая свое дѣло, пожертвовалъ во имя его сыномъ и оставилъ государство безъ наслѣдника. Петръ Великій самъ не успѣлъ исполнить своего закона и скончался, не назначивъ себѣ преемника, да даже и не видя, кого можно назначить. Объявленный при отреченіи отъ престола царевича Алексѣя наслѣдникомъ, царевичъ Петръ скончался въ младенчествѣ. Прямымъ наслѣдникомъ становился сынъ царевича Алексѣя и его супруги принцессы Шарлотты—Петръ Алексѣевичъ. Но Петръ Великій не захотѣлъ сразу назвать своимъ наслѣдникомъ внука, тогда еще пятилѣтняго мальчика.

Царствовавшій домъ въ минуту смерти Петра Великаго распадался на двѣ линіи, которыя можно назвать императорской и царскою: первая шла отъ самого Петра Великаго, а вторая отъ его брата, царя Ивана Алексѣевича. Послѣ Петра Великаго престолъ перешелъ къ его супругѣ Екатеринѣ I, отъ нея къ внуку Петра Великаго Петру; II послѣ него на престолѣ была племянница Петра Великаго, дочь царя Ивана Алексѣевича Анна I, герцогиня курляндская; ей наслѣдовалъ младенецъ-императоръ Иванъ Антоновичъ, сынъ племянницы императрицы Анны— Анны Леопольдовны принцессы брауншвейгской, дочери Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, родной сестры императрицы Анны.

Послѣ низложеннаго младенца-императора Ивана престолъ заняла дочь Петра Великаго императрица Елизавета Петровна; отъ нея престолъ перешелъ къ ея племяннику, сыну другой дочери Петра Великаго — Анны, бывшей замужемъ за герцогомъ Гольштинскимъ, — Петру III. Петръ III Өедоровичъ былъ низложенъ съ престола своей супругой Екатериной II, урожденной принцессой Ангальтъ-Цербстской.

Такъ капризно, по волѣ случая направлялась и ломалась линія наслѣдованія Всероссійскаго престола въ XVIII вѣкѣ. Всѣ эти смѣны на престолѣ сопровождаются смутой и волненіями. «Каждому воцаренію предшествовала придворная смута, негласная интрига или открытый государственный ударъ, — говоритъ В. О. Ключевскій. — Вотъ почему время со смерти Петра I до воцаренія Екатерины II можно назвать эпохой дворцовыхъ переворотовъ. Дворцовые перевороты у насъ въ XVIII вѣкѣ имѣли очень важное политическое значеніе, которое выходило далеко за предѣлы дворцовой сферы, затрогивало самыя основы

государственнаго порядка. Одна черта, яркой нитью проходящая черезъ весь рядъ этихъ переворотовъ, сообщала имъ такое значеніе. Когда отсутствуетъ или бездѣйствуетъ законъ, политическій вопросъ обыкновенно рѣшается господствующей силой. Въ XVIII вѣкѣ у насъ такой рѣшающей силой является гвардія,— привилегированная часть созданной Петромъ регулярной арміи. Въ царствованіе Анны къ петровскимъ гвардейскимъ полкамъ, Преображенскому и Семеновскому, прибавилось два новыхъ — Измайловскій и Конногвардейскій. Ни одна почти смѣна на русскомъ престолѣ въ означенный промежутокъ времени не обошлась безъ участія гвардіи; можно сказать, что гвардія дѣлала правительства, чередовавшіяся у насъ за эти 37 лѣтъ» (1725—1762 гг.).

Естественно поэтому, что дворцовые перевороты отражались на судьбѣ того сословія, которое поставляло солдатъ и офицеровъ въ гвардію, т. е. дворянскаго. Правительства, создаваемыя дворянской гвардіей, благоволили къ нуждамъ дворянскаго сословія въ смыслѣ облегченія лежавшихъ на сословіи служебныхъ повинностей и увеличенія правъ и привилегій,—права владѣнія населенными землями прежде всего. Не оставались безъ вліянія дворцовые перевороты и на условія международной политики имперіи, и иноземныя правительства, въ лицѣ своихъ представителей при русскомъ дворѣ, оказывали иногда очень существенную помощь тѣмъ или инымъ партіямъ, выдвигавшимъ на престолъ послѣ кончины царствовавшаго лица своихъ излюбленныхъ кандидатовъ.

Въ переворотѣ, который далъ престолъ дочери Петра Великаго, очень отчетливо сказались всѣ перечисленныя явленія, сопровождавшія смѣны на россійскомъ престолѣ въ XVIII вѣкѣ: перевороту 25 ноября 1741 г. предшествовала придворная смута, негласная интрига своихъ, вмѣшательство въ эту интригу иностранцевъ, и какъ завершеніе всего—исполненное руками преображенскихъ солдатъ, событіе 25 ноября 1741 г.

Благодарную почву, питавшую и возраствившую всѣ перечисленныя явленія, составляло широко распространившееся и глубоко укоренившееся засилье нѣмцевъ въ высшемъ правительствѣ и въ управленіи Россіей. Это засилье особенно больно сказалось для національнаго чувства, когда послѣ смерти императрицы Анны Іоанновны, согласно ея духовному завѣщанію, полномочнымъ правителемъ или регентомъ Россіи до совершеннолѣтія

трехмѣсячнаго тогда императора Іоанна Антоновича, сталъ близкій покойной императрицѣ Аннѣ человѣкъ — курляндскій герцогъ Эрнстъ Іоганнъ Биронъ. Этотъ Биронъ солоно пришелся русскому народу еще при императрицѣ Аннѣ *), когда свирѣпствовала вдохновляемая имъ Тайная канцелярія съ ея страшнымъ «словомъ и дѣломъ» и Доимочная канцелярія, безпощадно выколачивавшая съ народа недоимки. «Тяжелъ былъ Биронъ, какъ фаворитъ, какъ фаворитъ-иноземецъ, но все же онъ тогда не свѣтилъ собственнымъ свѣтомъ и хотя имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, однако, довольствуясь знатнымъ чиномъ придворнымъ, не имѣлъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго привыкли складывать всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія,становится правителемъ самостоятельнымъ... власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали для Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ верховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывая, прикрывались священнымъ именемъ законныхъ наслѣдниковъ престола... А теперь въявь, безъ прикрытія, иноземецъ, иновѣрецъ самовластно управляетъ Россіей и будетъ управлять семнадцать лѣтъ»... (С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. 21, гл. 1.) Въ народѣ и обществѣ роптали, слыша, какъ въ церквахъ послѣ императора, его матери и цесаревны Елизаветы поминали иновѣрнаго герцога курляндскаго. Гвардія тоже была противъ Бирона, и солдаты громко говорили: «Теперь нечего дѣлать, пока матушка-государыня не предана землѣ, а тамъ, какъ вся гвардія соберется, то ужъ»...

При дворѣ создавалось свое, особое, дворцовое недовольство Бирономъ. Отецъ и мать младенца императора, принцъ Антонъ Ульрихъ и принцесса Анна Леопольдовна,имѣвшіе,конечно,больше правъ на регентство до совершеннолѣтія своего сына, считали себя обиженными и очень мечтали о томъ, чтобы завладѣть регентствомъ и освободиться отъ Бирона. Биронъ, со своей стороны, ожидая, что родители императора попытаются лишить его власти, принималъ всѣ мѣры, чтобы не допустить ихъ до этого. Онъ за-

*) См. объяснительный текстъ къ картинѣ Д. Н. Кардовскаго «Императрица Анна и ея дворъ», № 36.

ставилъ принца Антона отказаться отъ военныхъ чиновъ, послѣ того, какъ въ собраніи всѣхъ знатныхъ чиновъ имперіи уличилъ его въ желаніи произвести бунтъ и овладѣть регентствомъ. За обиженнаго принца вступились тѣ нѣмцы, которые считали, что у принца Антона больше правъ на регентство и которые вообще были недовольны Бирономъ. Во главѣ этихъ недовольныхъ стоялъ фельдмаршалъ графъ Минихъ. Въ ночь на 8 ноября 1740 г. Минихъ явился въ Зимній дворецъ къ принцессѣ Аннѣ и сказалъ ей, что пора дѣйствовать. Онъ велѣлъ позвать къ принцессѣ караульныхъ офицеровъ преображенцевъ. Когда офицеры собрались, принцесса обратилась къ нимъ съ жалобами на регента. «Мнѣ нельзя, мнѣ стыдно, — говорила она, — сносить долѣе обиды отъ герцога курляндскаго; я рѣшила арестовать его и поручила это дѣло фельдмаршалу Миниху. Надѣюсь, что храбрые офицеры будутъ повиноваться своему генералу и помогутъ ему исполнить мое повелѣніе». Офицеры обѣщали исполнить волю принцессы и пошли съ фельдмаршаломъ въ караульню. Здѣсь солдаты были поставлены во фронтъ, и фельдмаршалъ объявилъ имъ, какое дѣло предстоитъ имъ исполнить. Солдаты всѣ, какъ одинъ человѣкъ, крикнули, что рады итти, куда ихъ поведутъ. Минихъ оставилъ при знамени 40 человѣкъ, а съ остальными 80 пошелъ ко дворцу регента и арестовалъ его. Заступниковъ у Бирона не оказалось. Меньше мѣсяца продлилось господство этого человѣка. Правительницей вмѣсто него была провозглашена мать младенца-императора, принцесса Анна Леопольдовна. Она была слабая, безвольная и безхарактерная женщина, очень лѣнивая и мало интересовавшаяся дѣлами. Первое мѣсто при ней заняли, конечно, фельдмаршалъ Минихъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, супругъ принцъ Антонъ Ульрихъ, т. е. опять иностранцы, нѣмцы, которые къ тому же еще и не ладили между собою. Давнишнее недовольство въ Россіи нѣмецкимъ засильемъ послѣ сверженія Бирона продолжало оставаться такимъ же обостреннымъ и слѣдовательно надо было ждать новаго переворота. Переворотъ наступилъ тѣмъ скорѣе, что въ перемѣнѣ правящихъ лицъ въ Россіи оказались въ данный моментъ очень заинтересованы и западныя державы.

Въ 1740 г., въ одинъ годъ съ императрицей Анной скончались императоръ Священной Римской имперіи Карлъ VI и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I. Императоромъ Карломъ VI

прекращалась мужская линія габсбургскаго дома: у него была только одна дочь Марія-Терезія, которая по закону не могла стать императрицей и полновластной наслѣдницей всѣхъ земель, принадлежавшихъ дому Габсбурговъ. Но Карлу VI очень хотѣлось, чтобы всѣ эти земли достались нераздѣльно его дочери. Онъ оставилъ завѣщательное распоряженіе въ этомъ смыслѣ, такъ называемую прагматическую санкцію, и дипломатическимъ путемъ добился у европейскихъ державъ признанія этого акта. Знаменитый полководецъ Карла VI, принцъ Евгеній Савойскій, напрасно предупреждалъ императора не очень разсчитывать на договоры, а приготовить лучше хорошую армію, которая надежнѣе обезпечитъ наслѣдство его дочери. Карлъ VI не позаботился о пушкахъ и солдатахъ, и вотъ, въ самый годъ его смерти, молодой прусскій король Фридрихъ II захватилъ австрійскую провинцію Силезію, а курфюрстъ Баварскій заявилъ свои права на Богемію. Баварца и пруссака поддерживала въ ихъ притязаніяхъ старинная соперница Австріи—Франція. Россія съ 1726 г. была въ союзѣ съ Австріей. Этотъ союзъ усиливало очень то обстоятельство, что русскій императоръ-младенецъ находился въ ближайшемъ свойствѣ и родствѣ съ австрійскимъ домомъ: отецъ русскаго императора, принцъ Антонъ, доводился племянникомъ покойному императору Карлу VI, былъ, слѣдовательно, двоюроднымъ братомъ Маріи-Терезіи. Новая правительница—мать императора Іоанна, принцесса Анна Леопольдовна тоже, была на сторонѣ Австріи; за союзъ съ Австріей былъ и вице-канцлеръ гр. А. И. Остерманъ, какъ творецъ этого союза. Помощь со стороны Россіи угнетаемой наслѣдницѣ Карла VI могла быть оказана поэтому не только формально, ради исполненія договора, но, какъ говорится, отъ сердца, т. е. со всей готовностью и симпатіей.

Помощь Россіи могла ниспровергнуть всѣ замыслы и Франціи и Пруссіи относительно поживы на счетъ Австріи. И молодой прусскій король, готовясь къ вторженію въ Силезію, не безъ тревоги посматривалъ въ сторону загадочнаго восточнаго сосѣда. Учитывая на основаніи донесеній прусскихъ посланниковъ силы Россіи, онъ писалъ: «въ 1740 г. Россія могла выставить въ поле безъ усилія 170000 войска; флотъ ея состоялъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 26 кораблей низшаго разряда и 40 галеръ. Доходы имперіи простираются до 15 милліоновъ талеровъ — сумма умѣренная, въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ страны; но въ Россіи все дешево. Самая необходимая для государей жизненная по-

требность — солдаты — не стоятъ здѣсь и половины того, что тратятъ на ихъ содержаніе другія государства Европы... Послѣ несчастій Карла XII, послѣ побѣдъ Миниха Россія держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Сѣвера; русскіе такъ страшны, что никто не можетъ ждать успѣха въ нападеніи на нихъ, ибо, чтобы достигнуть до нихъ, нужно пройти пустыни, но можно все потерять, если ограничиться оборонительной войной въ случаѣ ихъ нашествія. У нихъ въ войскѣ множество татаръ, казаковъ и калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить сильныя цвѣтущія провинціи, прежде чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній сосѣди уклоняются отъ столкновеній съ Россіей, а русскіе смотрятъ на союзы, заключенные ими съ другими народами, какъ на покровительство, которымъ они удостаиваютъ своихъ кліентовъ»... Въ такихъ размѣрахъ рисовалась Фридриху Великому мощь Россіи, созданная Петромъ Великимъ, «который обработалъ Россію, какъ крѣпкая водка желѣзо: былъ законодателемъ и основателемъ обширной имперіи, создалъ людей, солдатъ, министровъ, основалъ Петербургъ, завелъ значительный флотъ и заставилъ всю Европу уважать свой народъ и свои удивительные таланты».

Итакъ, вмѣшательство Россіи могло очень многое измѣнить въ намѣреніяхъ державъ, покушавшихся на австрійское наслѣдство. За союзъ съ Пруссіей въ русскомъ правительствѣ былъ только Минихъ, но онъ скоро потерялъ первенствующее значеніе, и именно его прусскія симпатіи сыграли важную роль въ его паденіи. Вторженіе Фридриха II въ Силезію вызвало самое рѣшительное осужденіе со стороны русскаго правительства. Все клонилось къ тому, что Россія окажетъ помощь Австріи. За союзъ съ Австріей Россію заставляли держаться тѣ выгоды, которыя давалъ намъ этотъ союзъ, помогая сдерживать двухъ нашихъ ближайшихъ и самыхъ безпокойныхъ сосѣдей—Турцію и Польшу. Въ рукахъ и подъ покровительствомъ Турціи находился сѣверный берегъ Чернаго моря — наша естественная граница, а во владѣніи Польши все еще оставались старинныя русскія земли, населенныя русскимъ народомъ. Было естественно овладѣть этими землями, и помощь Австріи, сильно страдавшей отъ турокъ, была намъ такъ же нужна, какъ Австріи наша. Вотъ почему вся наша внѣшняя политика со временъ Петра Великаго послѣ Ништадтскаго мира строилась на началахъ, благопріятствовавшихъ союзу съ Австріей и укрѣплявшихъ этотъ союзъ.

Въ интересахъ Россіи было не допускать крайняго ослабленія Австріи и преобладанія въ Европѣ Франціи, потому что Франція находилась въ союзѣ съ Турціей и Швеціей, а съ Швеціей послѣ Полтавы и завоеванія нами ея Прибалтійскихъ провинцій у насъ не могло быть дружественныхъ отношеній. «Франція и держала наготовѣ Швецію, чтобы при первой надобности спустить ее на Россію и такимъ образомъ отвести послѣднюю отъ поданія помощи Австріи». Но этого мало: Франціи казалось возможнымъ не только парализовать русскую помощь Австріи, но и перетянуть русскую силу на свою сторону, поставивъ ее сначала въ невозможность помогать Австріи. Такое воздѣйствіе на Россію предполагалось произвести тремя путями. Во-первыхъ, можно было натравить на Россію Турцію; съ этой цѣлью начались усиленныя старанія французскаго посольства въ Константинополѣ заставить турокъ объявить войну Россіи, но Турція была въ это время занята войной съ Персіей и туго поддавалась на уговоры Франціи итти противъ Россіи и отомстить ей за недавнія пораженія; тѣмъ успѣшнѣе, однако, были стремленія поднять на Россію Швецію; получивъ большую помощь деньгами, двигаемые желаніемъ возвратить всѣ завоеванія Петра Великаго, шведы объявили войну Россіи.

Шведскій главнокомандующій, генералъ Левенгауптъ, вступая въ русскую Финляндію, обнародовалъ любопытный манифестъ, въ которомъ говорилось, что поводомъ къ войнѣ является вовсе не вражда къ русскимъ и вовсе не покушеніе на цѣлость территоріи русскаго государства, что шведы хотятъ только освободить дружественный имъ русскій народъ отъ ненаціональнаго правительства брауншвейгской фамиліи и отъ министровъ-иноземцевъ. Вотъ это и былъ тотъ третій путь, которымъ Франція рѣшила овладѣть въ своихъ видахъ русской силой: перемѣна правительства, расположеннаго къ Австріи, и возведеніе новаго государя на русскій престолъ, который въ благодарность за это откажется отъ союза съ Австріей и будетъ участникомъ въ дѣлежкѣ наслѣдства Карла VI!

Конечно, не одними шведскими руками могла быть достигнута перемѣна на русскомъ престолѣ, и вотъ французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, маркизъ де-Шетарди, принявъ во вниманіе общее недовольство засильемъ нѣмцевъ въ правительствѣ, сталъ дѣятельно плести интригу противъ

правительницы Анны. Общественные толки и народная молва подсказали ему лицо, во имя котораго можно было съ успѣхомъ произвести переворотъ, а какъ средство переворота т. е. тѣ руки, которыя бы его сдѣлали, это опредѣлялось для него исторіей всѣхъ предшествовавшихъ переворотовъ—то была гвардія, настроеніе которой было какъ нельзя болѣе благопріятно для предпріятія. Правда, родители императора-младенца не внушали къ себѣ ненависти въ гвардейскихъ полкахъ: въ Семеновскомъ полку даже любили щедраго и добродушнаго принца Антона, числившагося подполковникомъ этого полка, но онъ все же былъ чужой, и своей прирожденной царевной-государыней въ гвардіи считали дочь Петра Великаго, цесаревну Елизавету Петровну. Миниху арестъ Бирона удался въ значительной мѣрѣ потому, что солдаты были увѣрены въ воцареніи Елизаветы Петровны. Когда оказалось, что дѣло шло лишь объ арестѣ Бирона и замѣнѣ его Минихомъ и Остерманомъ, солдаты не только гвардіи, но и армейскихъ полковъ кричали: «Вотъ перемѣнили кукушку на ястреба! Да что жъ это, развѣ никто не хочетъ вести насъ на пользу матушки Елисаветы Петровны!»

Цесаревна Елизавета сама,какъ умѣла,поддерживала благорасположеніе къ себѣ гвардейцевъ; она охотно вызывалась крестить дѣтей у женатыхъ гвардейцевъ, радушно принимала и угощала у себя отцовъ и матерей своихъ крестниковъ; у ней былъ домъ неподалеку отъ гвардейскихъ казармъ, и она часто ѣздила въ этотъ домъ и сюда приходили къ ней на поклонъ, какъ «къ сосѣдкѣ» офицеры и солдаты. При дворѣ не мало потѣшались, что вотъ-де цесаревна Елизавета устраиваетъ ассамблеи для преображенскихъ солдатъ! Солдаты называли цесаревну матушкой, государыней, любовались ею, разсказывали всюду, какъ она умѣетъ угостить, совсѣмъ не чуждается простыхъ людей, исполняетъ всѣ обряды и обычаи народные. Все это быстро разносилось и между солдатами, и въ простомъ народѣ. Солдаты были готовы подраться за честь проводить ее изъ своихъ казармъ до дому черезъ весь Петербургъ, стоя на запяткахъ широкихъ открытыхъ саней цесаревны.

Судьба цесаревны вообще не могла не возбуждать симпатій въ народѣ. По восшествіи на престолъ императрицы Анны, цесаревнѣ Елизаветѣ жилось очень не легко; чтобы не возбуждать подозрѣній и гоненій императрицы, очень хорошо понимавшей, какую соперницу имѣетъ она въ дочери великаго

дяди, Елизавета Петровна должна была вести себя такъ, чтобы о ней и слышно не было; ей оказывали внѣшній почетъ, но зорко слѣдили за ея поведеніемъ; ее окружали шпіоны, доносившіе о каждомъ ея движеніи и словѣ Миниху или Бирону. Смерть императрицы Анны облегчила нѣсколько невольное затворничество цесаревны. При дворѣ начались смуты и недовольство. Регентъ Биронъ, разссорившись съ отцомъ и матерью маленькаго императора, сталъ очень внимателенъ и любезенъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ. Паденіе Бирона грозило снова усилить лишенія, которыя пришлось Елизаветѣ испытать при императрицѣ Аннѣ. А межъ тѣмъ Елизавета не могла не видѣть, что правительство слабо и нелюбимо; она чувствуетъ, какъ къ ней обращаются взоры всѣхъ недовольныхъ, какъ именно отъ нея начинаютъ ждать избавленія отъ безтолковаго и ненаціональнаго правительства. Опальное положеніе, уединенная жизнь Елизаветы при Аннѣ послужили къ выгодѣ для цесаревны... Елизавета возмужала, сохранивъ свою красоту, получившую теперь спокойный, величественный, царственный характеръ. Рѣдко въ торжественныхъ случаяхъ являлась она передъ народомъ прекрасная, ласковая, величественная, спокойная, печальная; являлась какъ молчаливый протестъ противъ тяжелаго, оскорбительнаго для народной чести настоящаго, какъ живое и прекрасное напоминаніе о славномъ прошедшемъ, которое теперь уже становилось не только славнымъ, но и счастливымъ прошедшимъ. Теперь уже при видѣ Елизаветы возбуждались умиленіе, уваженіе, печаль; тяжелая участь дала ей право на возбужденіе этихъ чувствъ тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ дочерью Петра всѣ русскіе были въ бѣдѣ, опалѣ; а тутъ еще слухи, что нѣтъ добрѣе и ласковѣе матушки цесаревны Елизаветы Петровны»... (С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. 21.)

Шетарди все это прекрасно учелъ и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы войти въ довѣріе къ Елизаветѣ Петровнѣ. Черезъ своего соотечественника доктора Лестока, служившаго врачомъ при цесаревнѣ, Шетарди очень скоро добился своего и сталъ нашептывать цесаревнѣ о томъ, какое блестящее будущее ее ожидаетъ, если она рѣшится свергнуть правительство и занять престолъ своего отца. Шетарди увѣрялъ цесаревну въ добромъ расположеніи къ ней своего короля и въ готовности его оказать помощь деньгами. Указалъ онъ Елизаветѣ Петровнѣ и на то, что непосредственно, силою оружія, эта помощь можетъ быть оказана ей сосѣдней державой, Швеціей. Шетарди приводитъ къ

цесаревнѣ шведскаго посланника Нолькена, который удостовѣряетъ ее въ готовности шведскаго правительства помочь дочери Петра Великаго, но, конечно, за опредѣленное вознагражденіе, за уступку обратно Швеціи кое-чего изъ завоеваній Петра Великаго. Лестокъ служитъ посредникомъ въ этихъ переговорахъ. Елизавета Петровна колеблется—принять ли шведскую помощь? Не говоритъ ни да, ни нѣтъ, но какъ-будто соглашается. Шведъ и Шетарди просятъ у ней тогда письменнаго обѣщанія уступокъ въ пользу Швеціи, но Елизавета Петровна рѣшительно отказывается давать какія-либо обѣщанія на бумагѣ. Лестокъ, именемъ цесаревны, предлагалъ Шетарди удовольствовать шведовъ значительной суммой денегъ, которая могла бы покрыть всѣ ихъ издержки и потери. «Цесаревна надѣется,—говоритъ Лестокъ,—что вы войдете въ ея положеніе и согласитесь, что, какъ дочь Петра I, она должна соблюдать крайнюю осторожность относительно завоеваній своего отца, стоившихъ ему такъ дорого».—«Мой государь король,—отвѣчалъ Шетарди,—хочетъ одного: видѣть цесаревну на престолѣ и готовъ оказать содѣйствіе, если только она дастъ ему возможность къ тому. Его величество какъ бы ни былъ радъ подать помощь, будетъ одинаково доволенъ, какимъ бы способомъ цесаревна ни достигла престола. Слѣдовательно, ей надобно подумать—можетъ ли она этого достигнуть своими собственными средствами. Если можетъ, тѣмъ лучше: развязка будетъ болѣе славна для нея и помощь иностранная ей тогда, конечно, безполезна».—«Но какъ же вы хотите, чтобы она сама этого достигла?» возразилъ Лестокъ.—«Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ Шетарди,—цесаревнѣ остается обдумать, можетъ ли она надѣяться на счастливый исходъ дѣла безъ помощи шведовъ. Мой король радъ помочь, но ему нужно быть увѣреннымъ, что хотятъ дѣйствовать»... Затѣмъ Шетарди указалъ, что если хотятъ дѣйствовать, то надо спѣшить, иначе народъ, общество и гвардія привыкнутъ къ существующему правительству и тогда трудно будетъ что-либо предпринять, и цесаревнѣ придется проститься съ надеждой когда-либо царствовать. Письменное обязательство цесаревна все-таки дать отказалась, и на этомъ переговоры замерли на долгое время.

Шведы межъ тѣмъ начали войну, и въ приведенномъ выше манифестѣ говоря, что хотятъ избавить Россію отъ иноземнаго правительства, умолчали въ чью пользу они работаютъ. Елизаветѣ

Петровнѣ, впрочемъ, шведскій посланникъ тогда же пригрозилъ, что переворотъ можетъ быть произведенъ въ пользу ея племянника, родного внука Петра Великаго, герцога гольштинскаго Петра Ульриха. Межъ тѣмъ слухи, что цесаревна замышляетъ переворотъ, дошли до правительницы. Эти слухи дошли и до гвардейцевъ. Въ началѣ іюня нѣсколько офицеровъ подстерегли цесаревну во время прогулки ея въ Лѣтнемъ саду и одинъ изъ нихъ сталъ говорить ей: «Матушка, мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, что наконецъ велишь намъ?»—«Ради Бога молчите,—отвѣчала Елизавета Петровна,—чтобы кто-нибудь не услыхалъ; не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, не губите себя и меня. Разойдитесь, ведите себя смирно: время еще не пришло; я велю вамъ сказать заранѣе, когда время наступитъ!» Въ гвардейскихъ полкахъ межъ тѣмъ толки о воцареніи Елизаветы Петровны сами собою превращались въ заговоръ, только у этого заговора не было вождя, но зато было много участниковъ. Участники одни создавались сами, другихъ привлекали деньги, которыя далъ цесаревнѣ Шетарди, но она и своихъ средствъ, довольно скудныхъ, не жалѣла для раздачи солдатамъ. Приближенные Елизаветы Петровны за свой страхъ отъ ея имени вели дѣятельную пропаганду въ гвардіи—все это невольно дѣлало цесаревну главой заговора.

Все вело къ тому, что Елизаветѣ Петровнѣ самой приходилось начать и завершить дѣло. А она колебалась. Десять лѣтъ вынужденнаго уединенія и бездѣйствія при императрицѣ Аннѣ сдѣлали свое—лишили энергіи и умѣнья дѣйствовать и безъ того по характеру немножко лѣнивую Елизавету Петровну. Положеніе межъ тѣмъ обострялось. Елизаветѣ Петровнѣ запретили принимать у себя Шетарди. Правительница сказала ей, что ей совѣтуютъ арествовать лѣкаря Лестока. 23-го ноября вечеромъ былъ при дворѣ съѣздъ. Правительница вызвала въ другую комнату цесаревну, игравшую спокойно въ карты, и стала говорить ей о слухахъ и опасеніяхъ, которые дошли до нея относительно замысловъ цесаревны и упрекнула ее даже слегка въ неблагодарности. Цесаревна стала увѣрять правительницу, что ей и въ голову не приходило замышлять какое-либо зло противъ малютки императора, расплакалась и въ сильномъ огорченіи бросилась на шею правительницѣ. Анна Леопольдовна, женщина добрая и слабохарактерная не выдержала, сама расплакалась и, крѣпко обнявъ Елиза-

вету Петровну, просила у ней извиненія, что усомнилась въ ея поведеніи и отпустила ее съ изъявленіями знаковъ самой искренней любви и дружбы. Вернувшись домой, цесаревна обо всемъ разсказала Лестоку. Лестокъ испугался, растолковалъ цесаревнѣ, что малѣйшая случайность можетъ погубить теперь всѣхъ и что остается только одно—рискнуть немедленно приступить къ дѣлу. Цесаревна согласилась. Но участники заговора не были предувѣдомлены, жили они въ разныхъ частяхъ города и собирать ихъ было поздно. Рѣшили отложить исполненіе плана до слѣдующей ночи.

Утромъ 24-го ноября, во вторникъ, въ 10 часовъ Лестокъ вошелъ къ цесаревнѣ. Она сидѣла за туалетомъ. Лестокъ сталъ было излагать ей, какъ и что надо сдѣлать передъ рѣшительнымъ вечеромъ, но Елизавета Петровна стала отнѣкиваться, предлагала еще подождать. Тогда Лестокъ, какъ онъ разсказывалъ самъ впослѣдствіи, подошелъ къ столу и нарисовалъ на игральной картѣ на одной сторонѣ Елизавету Петровну въ царской коронѣ, а на другой ее же въ монашескомъ клобукѣ. «Выбирайте,—сказалъ Лестокъ,—одно изъ двухъ—или тронъ, или монастырь. Чего желаете Вы? Быть самодержавной императрицей, или же видѣть на плахѣ и висѣлицахъ своихъ близкихъ друзей, своихъ вѣрныхъ слугъ?» Елизавета Петровна рѣшилась и дала свое согласіе на ночное предпріятіе.

А въ это время герцогъ Антонъ Ульрихъ тщетно просилъ у жены-правительницы позволенія разставить караулы и нарядить на ночь патрули по улицамъ на случай опасности. «Опасности нѣтъ,—отвѣчала мужу правительница,—цесаревна рѣшительно ни въ чемъ не виновата, слезы ея, пролитыя вчера предо мною, лучшее доказательство ея невиновности!»

Между 11 и 12 часами ночи во дворецъ цесаревны (теперь зданіе Пажескаго корпуса на Садовой улицѣ) пришли нѣсколько человѣкъ преображенцевъ, участниковъ въ заговорѣ, за которыми послалъ Лестокъ. Преображенцы эти сами первые объявили цесаревнѣ, что гвардію отправляютъ въ походъ противъ шведовъ, что они не будутъ въ состояніи ей служить, когда выступятъ, что она останется безъ помощи въ рукахъ враговъ и потому нечего терять время и надо дѣйствовать. На вопросъ Елизаветы Петровны, можетъ ли она на нихъ положиться, преображенцы отвѣтили клятвенными увѣреніями въ преданности. Елизавета Петровна заплакала, велѣла имъ выйти изъ комнаты,

упала на колѣни передъ иконою Божіей Матери и два часа со слезами молилась. Говорятъ, что въ эту страшную для нея минуту Елизавета Петровна дала обѣтъ, если будетъ царицей, никому и никогда не подписывать смертныхъ приговоровъ. Затѣмъ, успокоившись немного, она надѣла подъ платье латы, возложила на себя орденъ св. Екатерины, взяла въ руки большой серебряный крестъ и вышла къ своимъ сообщникамъ. Подали сани. Ночь была холодная и ненастная. Съ цесаревной сѣлъ Лестокъ, на запяткахъ саней стали камергеръ М. В. Воронцовъ и камеръ-юнкеры Петръ и Александръ Шуваловы. Въ другихъ саняхъ сидѣли Алексѣй Разумовскій, В. Ѳ. Салтыковъ; три преображенца стали на запяткахъ ихъ саней. Маленькій поѣздъ быстро проѣхалъ по пустыннымъ улицамъ Петербурга къ съѣзжей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, гдѣ нынѣ стоитъ соборъ Спаса-Преображенія у Литейнаго проспекта. Солдаты, заранѣе извѣщенные, ждали уже пріѣзда цесаревны. «Ребята!—сказала имъ Елисавета Петровна,—вы знаете чья я дочь, ступайте за мной!» Солдаты и офицеры закричали: «Матушка! мы готовы, мы ихъ всѣхъ перебьемъ!» Но Елизавета Петровна сказала имъ на это: «Если вы будете такъ дѣлать, то я съ вами не пойду!» Затѣмъ она встала на колѣни, подняла крестъ и, обратясь ко всѣмъ присутствовавшимъ, тоже колѣнопреклоннымъ, сказала: «Клянусь умереть за васъ! клянетесь ли умереть за меня?»—«Клянемся!»—раздался дружный отвѣтъ.—«Такъ пойдемте же,—сказала цесаревна,—и будемъ думать только о томъ, чтобы сдѣлать наше отечество счастливымъ во чтобы то ни стало!»

Подали сани, и Елизавета Петровна, окруженная преображенцами, двинулась къ Зимнему дворцу. По дорогѣ арестовали нѣсколькихъ лицъ, которыя по своей близости къ правительницѣ и по своему положенію могли быть опасны для цесаревны. Въ самомъ концѣ Невскаго, когда уже стали приближаться къ Зимнему дворцу, солдаты посовѣтовали Елизаветѣ Петровнѣ, для избѣжанія шума, выйти изъ саней и итти пѣшкомъ. Но цесаревна не могла поспѣть за широко шагавшими солдатами. «Матушка! такъ не скоро дойдемъ, надо торопиться!»—говорили солдаты. Цесаревна пробуетъ ускорить шаги, но никакъ не можетъ. Тогда солдаты подняли ее на руки и такъ донесли до дворца. Здѣсь цесаревна прошла прямо въ караульню. Солдаты не понимали сначала спросонковъ, что такое творится. «Не бой-

тесь, друзья мои!— начала имъ говорить Елизавета Петровна,— хотите ли мнѣ служить, какъ отцу моему и вашему служили? Самимъ вамъ извѣстно, какихъ я натерпѣлась нуждъ и теперь терплю, и народъ весь терпитъ отъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей!»—«Матушка»—отвѣчали солдаты,—давно мы этого дожидались, и что велишь, все сдѣлаемъ!» Четыре офицера, однако, протестовали, но были сейчасъ же арестованы. Изъ караульни Елизавета Петровна прошла въ покои дворца, гдѣ всѣ караульные, кромѣ одного, немедленно арестованнаго, свободно пропустили ее. Войдя въ комнату правительницы, Елизавета Петровна разбудила ее словами: «Сестрица, пора вставать!»—«Какъ, это вы, сударыня?»—спросила было правительница, но увидя у себя въ спальнѣ солдатъ, тѣснившихся за цесаревной, догадалась въ чемъ дѣло и стала умолять Елизавету Петровну не дѣлать зла ни ей, ни ея дѣтямъ. Цесаревна обѣщала ей все это, велѣла посадить ее въ свои сани и отвезти въ свой дворецъ. Туда же привезли и маленькаго императора Іоанна Антоновича съ новорожденной сестрой его Екатериной. Разсказываютъ, что Елизавета Петровна, взявъ на руки свергнутаго ею императора, поцѣловала его и сказала: «Бѣдное дитя! ты вовсе невинно; твои родители виноваты!»

Въ три часа ночи все «дѣйство» было кончено, и «дщерь Петра Великаго» Елизавета Петровна стала самодержавной императрицей. Извѣстили и Шетарди о благополучномъ восшествіи на престолъ новой государыни. Французъ столько же былъ раздосадованъ, сколько и обрадованъ вѣстью. Досадно ему было то, что переворотъ совершился безъ смутъ, безъ вмѣшательства Швеціи, безъ уступокъ петровскихъ завоеваній, что новое правительство не связано никакими обязательствами; но онъ считалъ, что хорошо и устраненіе настроеннаго благожелательно къ Австріи правительства; онъ думалъ, что новое правительство, вѣроятно, будетъ за Францію изъ-за одного желанія дѣйствовать не такъ, какъ дѣйствовало свергнутое правительство. Но маркизу скоро пришлось разочароваться: новое правительство и въ области внѣшней политики предпочло руководиться тѣми началами, которыя были предуказаны Петромъ Великимъ и въ которыхъ союзъ съ Австріей имѣлъ опредѣляющее значеніе. Хлопоты Шетарди, давъ извѣстную поддержку предпріятію цесаревны, нѣсколько ускоривъ дѣло, рѣшающей роли не имѣли, и Елизавета Петровна воцарилась при помощи русскихъ рукъ своихъ преображенцевъ.

Вѣсть о перемѣнѣ на престолѣ быстро распространилась по всему Петербургу. «Лишь только я уснулъ въ три часа,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ кн. Я. Б. Шаховской,—меня разбудилъ необыкновенный стукъ въ ставень окна моей спальни. «Вставайте проворнѣе, одѣвайтесь, спѣшите во дворецъ,—кричалъ голосъ сенатскаго экзекутора,—цесаревна Лизавета взошла на престолъ, я спѣшу съ этой вѣстью къ остальнымъ сенаторамъ!» Проворно выпрыгнулъ я изъ постели, бросился къ окну съ распросами, но гонецъ уже бѣжалъ далѣе. По улицамъ валилъ толпами народъ, всѣ бѣжали на Садовую, къ дворцу цесаревны. Отовсюду слышались крики, бѣжали люди съ факелами и фонарями, слышался громкій говоръ. Я поспѣшилъ выйти изъ дому. Ночь была темная и морозная, улицы и площади были залиты народомъ. Чѣмъ ближе ко дворцу, тѣмъ чаще и чаще попадались гвардейскіе отряды. Тамъ и сямъ дымились разведенные костры, вокругъ нихъ грѣлись ликующіе солдаты, поздравляли другъ друга и пили водку... Шумъ, говоръ, залихватскія пѣсни, громкое ура, крики солдатъ: «Да здравствуетъ наша матушка, да здравствуетъ императрица Лизавета Петровна!» все это сливалось въ одинъ гулъ. Сенаторы, генералы и придворные въ своихъ раззолоченныхъ нарядныхъ костюмахъ не могли проѣхать въ экипажахъ; они пѣшкомъ пробирались сквозь толпы народныя... При входѣ въ залу сановники робко смотрѣли другъ на друга и въ недоумѣніи шопотомъ спрашивали о всемъ случившемся. Участники событія были тутъ же и радостно повѣствовали о своемъ успѣхѣ».

Новая императрица милостиво приняла сенатъ и св. синодъ. Послѣ присяги императрица Елизавета Петровна отправилась въ Зимній дворецъ, попрежнему окруженная преображенцами. Въ придворной церкви былъ отслуженъ торжественный молебенъ, подъ громъ салютовъ съ верковъ Петропавловской крѣпости. Послѣ молебна былъ прочитанъ манифестъ о восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны.

Такъ началось новое царствованіе, которое манифестъ о воцареніи возглашалъ, какъ русское, національное, въ завѣтахъ Петра Великаго.

Пособіемъ служили: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. 21. *В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, т. 4. *М. И. Семевскій*, Елизавета Петровна и др.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе как время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*", „*Въ лагерь Екатерининскихъ солдатъ*", „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*", „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*".

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*" характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*", даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*".) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*", пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*" (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*".

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ, Москва